

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

В. В. Костюшев

Практики позиционирования молодежных групп

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Kostyushev.pdf>

Перепечатка с сайта центра «Стратегия»
<http://strategy-spb.ru>

URL:<http://www.civisbook.ru>

В. В. Костюшев

Практики позиционирования молодежных групп

Следует отметить, что предлагаемый подход к социологической интерпретации практик позиционирования, реализовался в трех эмпирических исследованиях, выполненных автором в 2003-2004 гг. в различных молодежных группах. В целом и предлагаемый теоретический анализ, и эмпирические исследования выполнены в рамках проекта "Публичная политика в сфере мягкой безопасности и демократического развития: Балтийское измерение" (рук. М.Б. Горный), осуществляемого СПб центром «Стратегия», и являются вместе с тем продолжением исследований, выполненных автором и его коллегами в прежние годы. Отмечу, что близкими к нашему исследованию - по своему предмету, проблемной области и интеллектуальному дизайну являются некоторые другие исследования российских и зарубежных авторов, выполненные в последние годы.

Главная цель статьи — постановка проблемы позиционирования в целом и попытка социологической интерпретации практик позиционирования молодежных групп в поле культуры и политики современного российского общества, связанных с тремя основными стратегиями политического и общественного участия: конформизма, нонконформизма и альтернативного поведения, направленного на личностную самореализацию в поле культуры за пределами поля политики. Рассматриваются также некоторые конкретные сценарии политического и гражданского участия молодежных групп в рамках указанных стратегий и в контексте поколенческих ценностных различий.

В рамках концепции «мягкой безопасности» различные социальные группы современной российской молодежи могут рассматриваться как потенциальные социальные акторы "мягкой безопасности", и в этом контексте одним из результатов исследования позиционирования молодежных групп в поле культуры и политики может быть понимание структуры потенциальных акторов социокультурной сцены «мягкой безопасности» и публичной политики в целом - на перспективу в одно-два поколения.

Интеллектуальный дизайн исследовательского проекта основан на концепциях, разработанных в рамках такой новой отрасли социологического знания как социология общественных движений, а именно: концепции относительной депривации, мобилизации ресурсов и структуры политических возможностей.

Используются также объяснительные возможности теорий политического цикла и конвертации культурных капиталов. Ключевыми понятиями, обозначающими предмет и проблемное поле исследования, соответственно являются относительная депривация, мобилизация ресурсов, структура политических и культурных возможностей, политический цикл, поле политики, поле культуры, поколенческие различия, культурный капитал, конвертация капиталов, стратегии участия, ценностные различия и ценностный конфликт, повседневные практики, общественное движение, политическая организация, общественное и политическое участие, политическое и культурное позиционирование.

Вопрос о культурном и политическом позиционировании различных социальных групп российского общества является принципиально важным для определения перспектив и функциональности "мягкой" безопасности. Молодежные группы, в том числе т.н. "аполитичная" молодежь - один из важных объектов анализа в этом направлении.

Термин «позиционирование» все чаще используется в социологических и политологических исследованиях, при этом разные авторы, не предлагая строгого определения термина, интерпретируют его в близких значениях: позиционирование рассматривается как конструирование отношения субъекта к тем или иным событиям, процессам и институтам. Если речь идет о поле политики – то к политическим событиям, процессам и институтам (системе выборов, политическому режиму, региональной власти, политическим партиям и

др.), если о культуре, то к социокультурным событиям, процессам и институтам (информационным технологиям, системе образования и др.).

Позиционирование может выражаться в разных формах, которые, по нашему мнению, можно классифицировать на три основные группы:

1) эмотивное позиционирование (в категориях «нравится – не нравится»),

2) когнитивное позиционирование (в категориях информированности и знания),

3) конативное позиционирование (в категориях действия: или поддержки, или протеста, или игнорирования и реализации альтернативных форм поведения).

Эмотивные, когнитивные и конативные компоненты позиционирования, конечно, связаны между собой, но их выделение как относительно самостоятельных в исследовательских целях представляется важным. При этом у разных людей доминирующей формой будет выступать одна из компонент, в связи с чем можно идентифицировать эмотивный (основанный на эмоциях), когнитивный (основанный на информации и знаниях) и конативный (основанный на действии) типы позиционирования в поле культуры и политики.

Политическое и культурное позиционирование можно рассматривать как атрибутивную характеристику социальной жизни, оно свойственно абсолютному большинству людей, включая ту значительную социальную группу, которая идентифицирует себя, или – в нашей терминологии – позиционирует себя как «аполитичную» часть общества. Но сама «аполитичность» в этом контексте может рассматриваться принципиально иначе, чем это принято в привычных интерпретациях – как особая форма политического позиционирования, как сознательного личностного конструирования негативного отношения к конкретным политическим событиям, институтам и процессам «здесь и сейчас». В частности, аполитичность может быть следствием, например, неприятия или политического режима, или конкретного политического института, или политического руководителя. При этом в аполитичности также можно предполагать доминирование эмотивной, когнитивной или конативной компоненты позиционирования.

Естественно предполагать, что для разных социальных групп характерно доминирование тех или иных типов позиционирования в поле культуры и политики. Например, у людей с большим опытом знаний, специально интересующихся политической информацией (образованные

слои общества), можно предполагать доминирование когнитивного позиционирования в поле политики, а у людей с небольшим объемом знаний и низкой информированностью будут доминировать эмотивное или конативное политическое позиционирование.

Молодежь, а точнее – различные социальные группы в молодежной среде - также позиционируют себя в поле политики и культуры. В целом для молодых людей, особенно младших возрастов, можно предполагать общие характеристики позиционирования, связанные с небольшим объемом знаний, незавершенным образованием, отсутствием опыта участия в процессах принятия политических решений. Такой общей характеристикой также является, вероятно, доминирование эмотивного позиционирования, связанное, в частности, с вынужденной аполитичностью. Для старших же возрастных групп молодых людей можно предполагать усиление когнитивного и конативного позиционирования, выражающихся в специальном поиске политической информации и более активном политическом участии. В случае же сильной вовлеченности молодых людей в общественные и политические организации, в развитые горизонтальные политические сети, мера их политического активизма и устойчивость политического позиционирования в целом значительно возрастает.

Таким образом, можно предполагать дифференциацию и диверсификацию всей молодежной среды, в последние годы все более усиливающуюся, по критерию политического позиционирования и по мере политического активизма: (1) большую «пассивную» группу (по данным наших исследований, около 80%), для которой характерна аполитичность, и (2) значительно меньшую активную группу (около 20%), характеризующуюся развитым политическим позиционированием и политическим активизмом. При этом идеологический спектр активизма оказывается весьма широк: от крайне правых до крайне левых, от консерваторов до радикалов и экстремистов, от анархистов до представителей политического истеблишмента, ориентированных на карьеру в органах исполнительной и представительной власти.

Поле политики пересекается и взаимосвязано с полем культуры, в связи с чем социально-культурные характеристики носителей названных трех стратегий позиционирования являются существенными признаками. Например, по данным многих социологических исследований в области политического участия и электорального поведения, более образованные

люди в большей степени ориентированы на демократические ценности и голосуют на выборах за либеральные партии и организации.

В этой связи позиционирование молодежных групп в поле культуры представляет - для понимания общих механизмов позиционирования молодежи - несомненный интерес. Здесь также следует выделять, как было отмечено выше, эмотивный, когнитивный и конативный типы позиционирования – с предположением, что младшие возрастные группы в среде молодежи скорее будут носителями эмотивного типа позиционирования в поле культуры, а старшие группы – когнитивного и конативного типов. При этом диверсификация молодежных групп в поле культуры будет более значительной (мультикультурной), чем в поле политики.

Для понимания практик позиционирования молодых людей важными являются вопросы, во-первых, о состоянии культурного капитала их родителей, а также о состоянии их индивидуального культурного капитала, во-вторых, о состоянии структуры политических и культурных возможностей в конкретном политическом цикле.

Независимо от состояния культурного капитала и, напротив, в зависимости от заданной структуры политических и культурных возможностей, молодые люди вынуждены занимать гражданские позиции, конструировать свое отношение к сложившемуся федеральному и региональным политическим режимам, к задаваемым направлениям политического курса, к конкретным политическим институтам, формам публичной политики и представителям власти. Данное состояние можно определить как "вынужденное политическое позиционирование", которое может быть латентным или открытым, развитым или неразвитым.

При жесткой структуре политических возможностей второй половины 1980-х годов сформировалась устойчивая социальная группа активистов демократического движения, оказавшаяся способной к воспроизводству до самого последнего времени. Люди, входившие в эту группу, были образованы, активны, амбициозны, ясно и публично позиционировали себя в поле политики, и в настоящее время, как правило, занимают статусные позиции в различных политических и экономических структурах. За неустойчивостью формальных структур в этой неформальной среде обнаруживаются устойчивые и эффективные сетевые структуры.

Ситуацию второй половины 1980-х годов можно проецировать на современную ситуацию, с предположением, что в настоящее время, в

2004 году, в период формирования нового политического цикла, складываются новые сетевые структуры, нередко называемые сетью «новых лидеров», "новыми элитными группами", которые – при определенных условиях – могут оказаться конкурентами по отношению к сложившимся политическим группам влияния. Способны ли «новые молодые» на такую конкуренцию – между поколениями?

Ценностные межпоколенческие различия - фундаментальная характеристика социума, иногда оказывающаяся структурообразующей по отношению к политическим изменениям. Ценностные различия между поколениями становятся особенно важными в условиях резких социально-экономических и политических переходов, формирования новой структуры политических и культурных возможностей в государстве и обществе. Для новейшей политической истории России характерны именно такие резкие переходы, и значимость различий между поколениями все больше становится одним из важнейших факторов социальной и политической жизни. И при определенной структуре политических и культурных возможностей, ценностные различия между поколениями могут перейти в состояние ценностных конфликтов. Пока эти ценностные конфликты потенциальны, но могут стать актуальными и даже структурообразующими.

Структурная неопределенность, долгое время характерная для поля политики в российском обществе, в новом политическом цикле быстро и форсированно элиминируется – и задается новая структура возможностей, которая формируется при инерции сложившихся культурных возможностей поколений, при имеющихся культурных капиталах социальных групп. Вместе с тем значительно возрастает не только социально-экономическая, но и социально-культурная дифференциация разных социальных групп, разных поколений.

Для понимания процессов дифференциации хорошие объяснительные возможности предоставляет теория политических циклов. В новейшей политической истории России, начиная с апреля 1985 года, по критерию доминирования того или иного типа радикальных изменений (идеологических, политических, экономических, институциональных) можно выделить четыре политических цикла радикальных изменений, а именно: идеологических (1985-1991 гг.), политических (1991-1993 гг.), экономических (с 1994 г.), институциональных (с 2000 г.). При этом можно предполагать

"циклическую спираль" общего 4-х компонентного цикла радикальных изменений переходного общества.

Если первые три цикла изменений в особом описании не нуждаются, то о последнем – институциональном – политическом цикле радикальных изменений следует сказать подробнее, тем более что структура политических и культурных возможностей в данном цикле принципиально меняется по сравнению с предыдущими и оказывает существенно иное влияние на позиционирование общественных движений и групп, в том числе молодежных, в поле политики. Новое позиционирование мы обозначили метафорой «вторая волна» протеста.

Выделение четвертого цикла связано с пониманием, что институциональные изменения, происходящие в российском обществе последнего десятилетия (изменение структур власти, собственности, занятости), не только не завершаются, но находятся в состоянии формирования и становления новых и не менее значимых перспектив. Обозначается новый цикл радикальных институциональных изменений, связанных со вступлением России в мировой рынок, в международные финансовые и политические альянсы. Особенно важным институциональным изменением будет вступление России в ВТО, предполагающее радикальную реструктуризацию системы производства, структуры занятости, социального обеспечения.

Синхронизированный с переводом внешнего долга РФ во внутренний, данный макро-институциональный сдвиг может привести к значительному усилению депривации больших социальных групп, росту социальной тревожности и напряженности, реструктуризации политических сил, обострению социальных конфликтов и - возможно - к трансформации ценностных и нормативных оснований гражданской культуры.

Важным предполагаемым следствием радикальных изменений в институциональном дизайне будет новая волна массовых протестных движений - с их возможной радикализацией, сменой политических акторов, изменением репертуара коллективных действий, ресурсной базы и каналов мобилизации. Новая волна - вторая после радикальных движений конца 1980-х - начала 1990-х гг. - будет тем более мощной, чем более сильными и артикулированными будут конфликты между властными группами на федеральном и региональном уровне, менее эффективными - социальные программы, более слабой - исполнительная вертикаль, более существенным - разрыв между властью и обществом.

С другой стороны - сила второй волны будет демонстрацией развитости и устойчивости гражданского общества, а мера ее радикальности, конвенциональности протестного репертуара - важным симптомом гражданской и политической культуры общества. Баланс же используемых в этих сложных условиях демократических/авторитарных методов управления со стороны власти - признаком ее политической культуры и устойчивости.

Можно предполагать важные особенности второй волны протеста, связанные с синхронизацией сдвигов в экономике, политике и культуре, в частности: радикализация (усиление доли неконвенциональных протестных действий), глобализация (взаимозависимость национальных движений протеста с международными), и, возможно, парадоксальное сочетание культурной архаизации (воспроизведение и закрепление архаичных и традиционных поведенческих практик) и современной виртуализации (символизация капиталов/ресурсов, имитация/симулирование, усиление игровых технологий).

В рамках каждого из четырех циклов можно выделять особенности структуры политических и культурных возможностей (расколы властных групп, состояние гражданских свобод, значимость партийных структур, отношения собственности, институциональные изменения), определяющие ресурсный бассейн, механизмы мобилизации ресурсов, направленность и успешность общественных движений в целом, в том числе молодежных движений и организаций, различных молодежных групп. Теория структуры политических возможностей в ряду других теорий общественных движений (относительной депривации, новых социальных движений, мобилизации ресурсов) предоставляет дополнительные объяснительные возможности для анализа. Движения, в частности, можно рассматривать как проекцию конфликта властных групп.

Характеристики поколенческих различий и потенциальных ценностных конфликтов в каждом политическом цикле различны.

Вопрос об особенностях формирования молодежных движений и групп в разных политических циклах, предопределенных структурой политических и культурных возможностей, представляется важным и актуальным, но к настоящему времени практически неисследованным. Можно предположить доминирование следующих молодежных движений и групп в каждом из 4-х циклов: нонконформистские молодежные образования - в идеологическом цикле, конформистские - в

политическом цикле, конформистские, нонконформистские и альтернативные движения и группы - в экономическом и институциональном циклах.

В связи с актуализацией значения культурных капиталов в поле политики важным становится и позиционирование групп, в том числе молодежных, в поле культуры. Следствием важных институциональных изменений и формирования новой структуры политических и культурных возможностей является - по отношению к молодежным группам - формирование новой системы стратегий общественного и политического участия, отличающиеся от стратегий участия в предыдущих политических циклах.

В целом стратегии и сценарии участия молодых людей могут быть представлены тремя основными формами: конформизмом по отношению к политическому режиму и политической системе в целом (политической адаптацией), нонконформизмом по отношению к политическому режиму и системе в целом (политическим протестом) и альтернативной стратегией, находящей за пределами поля политики и связанной с личностной самореализацией в различных секторах поля культуры.

Во всем секторе молодежных движений, организаций и социокультурных групп (субкультур) по критерию отношения к власти можно выделить три основных типа образований:

(1) конформистские, включенные в политическое поле, предлагаемое властью и властными группами (молодежные союзы при политических партиях - как карьерные лифты, молодежные движения, презентующие себя как самостоятельные и массовые, но организованные аппаратными методами и являющиеся замкнутыми организациями при властных группах);

(2) нонконформистские организации и группы, оппозиционные по отношению к полю политики, сформированному государственной властью и властными группами, презентующие себя как контркультурные;

(3) независимые от власти организации, представленные прежде всего в Третьем секторе - негосударственные, некоммерческие.

В целом все три типа молодежных образований характеризуются неустойчивостью и неразвитостью.

Сценарии общественного участия (через сеть общественных организаций и общественные сетевые структуры) и политического участия (через сеть политических партий и организаций)

предопределяются базовыми стратегиями участия, и вариативность их весьма значительна: от карьерных "скоростных лифтов" до "неучастия" и игнорирования. В каждой из трех выделенных стратегий можно предположить базовый доминирующий сценарий: "политический карьерный сценарий" для конформистской (адаптационной) стратегии, сценарий "политического скоростного лифта" для нонконформистской (протестной) стратегии и сценарий политического неучастия и игнорирования для альтернативной стратегии.

В рамках конформистской (адаптационной) стратегии, характеризующейся не критическим принятием существующей структуры политических и культурных возможностей и ориентацией на индивидуальный успех в заданных координатах, можно предполагать доминирование "карьерных" сценариев политического участия: ориентация на должностной и статусный рост, увеличение собственного влияния на принятие решений, в целом - доминирование мотивация достижения и личного успеха. Сценарий реализуется прежде всего через участие в сложившихся официальных и легитимных молодежных политических и общественных организациях (от "молодежных союзов" разных политических партий до новых "политических пирамид" в версии организации "Идущие вместе").

В рамках нонконформистской (протестной) политической стратегии, характеризующейся радикальным неприятием заданной структуры возможностей (политического режима, проводимого политического курса и т.д.), можно предполагать доминирование как карьерных сценариев в формате "скоростных политических лифтов", так и особой игровой культуры личностного самовыражения и личностной самореализации. Существенно, что протестные стратегии реализуются в том же политическом поле, что и адаптационные стратегии, и в этом контексте "протестующие" близки "адаптантам" и отличаются от них только "знаком" отношения к современным политическим практикам. Карьерная мотивация представлена среди протестующих не в меньшей степени: протестные политические организации разного типа (например, РНЕ в недалеком прошлом или НБП в настоящее время) можно рассматривать в качестве площадок взаимных конвертаций разных капиталов (от силовых до интеллектуальных).

Особый интерес для современной ситуации в российской обществе представляет альтернативная (по отношению к обозначенным выше) стратегия, характеризующаяся, как правило, ясно артикулируемой

аполитичностью и сильной вовлеченностью в повседневные практики различных секторов поля культуры. Можно предполагать, что носителей данной стратегии отличает высокий уровень культурного капитала, относительно высокий образовательный и материальный уровень, сильные карьерные амбиции за пределами поля политики. Материальные и карьерные притязания группы «альтернативщиков» реализуются на другом поле, чем у «адаптантов» и «протестующих» - это альтернативные социокультурные поля качественного образования, высоких технологий, личностной самореализации в культуре.

Можно предполагать, тем не менее, что аполитичность «альтернативщиков» относительна, носит ситуативный временный характер и с завершением вторичной социализации постепенно перейдет в формы политического участия, пусть даже маргинальные и незначимые. В настоящее время альтернативная культура представлена в горизонтальных социальных сетях, в различных относительно устойчивых молодежных субкультурах.

Можно предполагать, что соотношение выделенных жизненных стратегий и сценариев в разных социальных и территориальных группах, а также в разных российских регионах, будет различаться, что «вес» той или иной стратегии в активных социальных группах будет различным. Различия должны обнаружиться прежде всего между жителями российских мегаполисов, с одной стороны, и жителями средних и малых городов России, с другой. Значимые различия могут быть обнаружены также между разными социально-профессиональными группами, между группами с разным уровнем материального благосостояния и с разным профессиональным статусом. Можно ожидать различие стратегий и в группах с разным культурным капиталом (культурный капитал семьи, образовательный уровень, активность в социокультурных практиках). Различными, естественно, должны оказаться в этом случае и «социальные портреты» носителей выделенных стратегий: по эмотивным (в частности, по толерантности), когнитивным (прежде всего по уровню и качеству образования) и конативным (по направленности активности и репертуару повседневных практик) характеристикам.

Точка перехода из латентной стадии ценностных различий в стадию открытых ценностных конфликтов будет связана, как можно предполагать, с массовым привнесением в российское общество новейших технологий, носителями которых будет новое образованное поколение. При этом нельзя исключать, что предполагаемая ценностная

революция будет носить структурообразующий характер и предопределять характер многих экономических и политических метаморфоз российской жизни.

В соответствии с данными теоретическими предположениями была разработана программа и методика, а также проведены отмеченные выше эмпирические исследования практик позиционирования молодежных групп. Материалы исследований в настоящее время анализируются и будут представлены в последующих публикациях.